

Светлана
АЛЕШИНА

Трех НА ДУШУ

Сериал
«Попарации»

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Светлана Алешина
Грех на душу
Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961576

Алешина С. В. Грех на душу: Повесть.: Эксмо; Москва; 2002

ISBN 5-699-00281-2

Аннотация

Ольга Бойкова, главный редактор криминальной газеты «Свидетель», исключительно по доброте душевной согласилась помочь незадачливому покупателю телевизора «Сони». Всего на полчаса оставил он свою драгоценную покупку в салоне собственной машины – и телевизор исчез. Даже в случае успеха расследования сенсацией тут не пахло. И конечно же, никто из сотрудников газеты не предполагал, что слежка за магазином видеотехники «Голубой кристалл» сведет их со странной семейкой богатого ювелира Блоха. Вот тут-то Ольгу и поджидала самая настоящая сенсация...

Содержание

Глава I	4
Глава II	19
Глава III	39
Глава IV	47
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Светлана Алешина

Грех на душу

Глава I

Эта история началась в один из тех слякотных мартовских дней... Нет, уж если быть абсолютно точной, то случилось все вечером, поэтому изложу так детально, чтобы вам яснее представилась картина.

Итак, эта история началась в один из тех слякотных мартовских вечеров, когда больше всего на свете хочется сидеть дома, в сухой и теплой квартире, пить чай с лимоном и заниматься чем-нибудь необременительным – например, смотреть телевизор. Окна при этом желательно поплотнее закрыть шторами, потому что за ними творится форменное безобразие.

На мой взгляд, наш Тарасов – довольно уютный городок, но только не в эту пору, когда на улице не то зима, не то весна, на тротуарах громоздятся груды черного как уголь снега, а под ногами бурая жижа, брызги от которой обильно орошают ваши сапоги и сумки. Городские огни вязнут в сумерках, ничего, кажется, не освещая, да и сами сумерки приобретают в это время года какой-то специфически грязный цвет.

В общем, хочется закрыть глаза и бежать отсюда подальше.

ше – туда, где много тепла и света. На худой конец, домой к телевизору.

Так подробно я говорю об этом для того, чтобы стало понятно, что именно я испытывала в тот слякотный мартовский вечер, когда прогуливалась по одному из центральных кварталов неподалеку от магазина «Голубой бриллиант». Никаких бриллиантов там, кстати, не было и в помине – это был магазин электроники, – просто в названии скрывался намек на видеотехнику одной известной фирмы. Забавно, но напротив располагался крошечный магазинчик с названием, которое звучало лаконично и несколько пародийно – «Страз». Вот там, действительно, продавались ювелирные украшения – не слишком дорогие, впрочем.

Еще в этом районе находились книжный магазин, салон красоты, маленький ресторанчик с оригинальным названием «Пекло» и еще с десятков совсем мелких торговых точек, из которых самой ужасной являлся киоск звукозаписи, откуда с удручающим постоянством грохотала одна и та же, видимо, модная песня. Я прослушала ее в тот вечер столько раз, что некоторые слова врезались мне в память навечно: «... и целуй меня везде – я ведь взрослая уже». Самое удивительное, что пелось это мужским голосом.

Грязь под ногами, сырой воздух, чахлые огни и назойливая мелодия нагоняли на меня беспробудную тоску. Я прятала в шарф подбородок, шмыгала носом и с ненавистью поглядывала на горящие витрины «Голубого бриллианта», за

которыми перемещались толпы покупателей.

И, опять-таки, если быть точной, то здесь лучше употребить слово не «покупателей», а «любопытствующих». Никто ничего не покупал – разве что какую-нибудь мелочь. После памятного дефолта очень многие из разряда покупателей перешли в разряд любопытствующих, и с этим приходилось считаться. Тем более возрастала значимость каждой крупной покупки, и уж совсем неприятно было, когда эту покупку уводили из-под вашего носа. «Голубой бриллиант», крупнейший в городе магазин электроники, все же и теперь мог похвастаться довольно большим объемом продаж. Наверное, каждый третий купленный телевизор приходился на долю именно «Голубого бриллианта». Но и краж в окрестностях «Голубого бриллианта» происходило больше всего в городе.

Тут надо пояснить, что я имею в виду. У этой истории была еще и предыстория, о которой стоит рассказать поподробнее, иначе будет непонятно, что заставило меня месить грязь около «Голубого бриллианта» и выслушивать куплеты про внезапно повзрослевшую девушку с мужским голосом.

Однажды утром в редакцию нашей газеты ворвался не совсем обычный посетитель. Он был одновременно сердит и весел – то есть находился в том состоянии, когда человек охотно устраивает любой скандал, – от каждого встречного требует справедливости, крушит мебель и, не моргнув глазом, лупит всех по физиономии. Положение усугублялось тем, что человек был гренадерского роста, широк в плечах,

румян и физически, видимо, очень крепок. С ним стоило держать ухо востро любому.

Этот человек влетел в приемную как раз в тот момент, когда там находились все сотрудники нашей маленькой редакции. Все были заняты своими делами, но, видимо, посетителю мы представились группой благополучных бездельников, которые просиживают штаны в уютном офисе, за стенами которого творится черт знает что.

– Кофеек распиваем? – громогласно спросил посетитель, окидывая нас ироническим взглядом.

У него был задорный соломенный чуб, шелковый галстук и дорогой пиджак, припахивающий нафталином. Мужчина был похож на гостя из глубинки, выбравшегося в свет и надевшего для этого все лучшее, что нашлось в гардеробе.

А у нас в редакции, действительно, пахло кофе. Секретарша Маринка, хлопотавшая у кофейника, отреагировала мгновенно.

– У вас есть возражения? – ревниво спросила она.

Маринка обладает среди прочих одним неоценимым талантом – она изумительно готовит кофе. В нашем коллективе кофе, приготовленный ее руками, является ритуальным напитком, поэтому иронию в отношении этого предмета никто из нас не воспринимает, а Маринка в особенности. – Пей, да дело разумея! – туманно ответил мужчина и для убедительности мотнул тяжелым подбородком. – Мне вот, например, с редактором поговорить надо! Есть у меня такая воз-

возможность?

Пропустив мимо ушей некоторую агрессивность тона, я сдержанно ответила:

– Главный редактор – это я, Ольга Юрьевна Бойкова. С кем имею честь?

– Это, в смысле, кто я такой? – уточнил мужчина. – Чтобы вы знали, я из Заречного. Агрономом работаю. Специально в Тарасов приехал всей семьей. Деньги все с книжки снял! А тут, извините, такие безобразия у вас творятся! Вы реагировать вообще-то думаете или как?

В его словах опять появился напор, от которого окружающим делалось неуютно. Наш фотограф Виктор, долговязый и мрачноватый, предусмотрительно выдвинулся вперед и занял позицию, с которой в любую минуту мог вмешаться в развитие событий.

Неофициально Виктор представляет у нас собой службу безопасности. Физические кондиции и профессиональный опыт военного позволяют ему это занятие. Некогда Виктор служил в роте разведки и прошел афганскую войну, и что касается, например, рукопашной, то тут ему равных нет. Я не хочу сказать, что Виктор собирался затеять с сердитым агрономом драку, но в таких ситуациях он всегда начеку.

– И что же за безобразия у нас творятся, господин Петяйкин? – спросила я с большим любопытством.

Наша газета «Свидетель» занимается криминальной тематикой – что, в принципе, вполне заслуживает определения

«безобразия», – поэтому интерес мой был далеко не праздным. Как выяснилось, я не ошиблась. Федор Ильич оказался читателем нашей газеты, и его посещение не было случайностью. Наверное, у них в Заречном жили еще по старинке – надеясь, что газета может вмешаться, пропесочить и восстановить справедливость. Философия, по нынешним меркам, устаревшая, но лично мне глубоко симпатичная.

Вкратце суть дела была такова: взяв с собой все сбережения, семья Петяйкиных погрузилась в старые «Жигули» и отправилась в областной город за покупками, благо ехать было не особенно далеко – километров шестьдесят. Основной целью было приобретение роскошного современного телевизора, предпочтительно фирмы «Сони». Почему именно «Сони», господин Петяйкин не объяснял, но по его тону было ясно, что этой фирме он доверяет безоговорочно.

Приехав в Тарасов, семья Петяйкиных выяснила, где находится самый солидный магазин электроники – им оказался, конечно же, «Голубой бриллиант», – и двинула туда. После долгих сомнений и колебаний телевизор был куплен. Федор Ильич выложил за него около двенадцати тысяч.

Предвкушая, как ахнет все Заречное, увидев это чудо техники, Федор Ильич отнес телевизор в машину и кое-как пристроил его на заднем сиденье. Можно было отправляться домой. Но тут жене Федора Ильича захотелось пробежаться по магазинам. У них еще оставалось немного денег, а яркие рекламы и освещенные витрины так и манили к себе слабую

женскую душу. Федор Ильич сдался. Отпускать супругу одну он не решился, боясь, что она потеряется в большом городе, но оговорил условие, по которому на все дела он отпускал полчаса. Тщательно заперев машину, Федор Ильич, взяв за руки детей, отправился вслед за супругой.

Душа у него, как Петяйкин сам признался, была с самого начала не на месте – оттого он и определил столь жесткий лимит времени. Но даже в глубине души Федор Ильич не допускал возможности той катастрофы, что поджидала их после короткой пробежки по залам универмага. Когда вся семья солдатским шагом вернулась к автомобилю, на заднем сиденье ничего не было!

То есть что-то там осталось, конечно. Чехол, собственно-ручно госпожой Петяйкиной пошитый, старые перчатки и карта области. Но огромной коробки с иностранными буквами там не было, как не было, разумеется, и содержимого самой коробки. Попросту говоря, телевизор украли.

Этот факт не сразу дошел до их разума. В первые минуты Петяйкины решили, что обознались, и попробовали поискать свою машину где-нибудь рядом. Вид у них при этом был, наверное, на редкость глупый. Особенно когда Федор Ильич уразумел, что номер на вскрытой машине – его собственный номер. Тогда он дал волю чувствам.

В выражениях Петяйкин не стеснялся, обрушив свой гнев прежде всего на домочадцев. В весьма кучерявых выражениях он выложил все, что думает о женском роде вообще

и о своей супруге в частности, детям щедро раздал подзатыльники и, наконец, чувствительно стукнул себя кулаком по лбу, дав таким образом понять, что отчасти разделяет вину за произошедшее.

Разрядив немного эмоции, Федор Ильич попытался взять себя в руки и взвесить ситуацию. Это далось ему нелегко – душа требовала немедленного возмездия.

– Не-е, ну я знал, что в Тарасове все воры! – горячась, объяснял мне Петяйкин. – Но всего ведь на полчаса отошли! Это как?! На ходу, считай, подметки режут!

Заявление было, пожалуй, чересчур смелым, но я решила не обращать на это внимания – впечатления были слишком свежи, телевизор украли накануне вечером, и Федор Ильич мог позволить себе отступление от норм вежливости. Однако наш курьер Ромка, семнадцатилетний максималист, не удержался от замечания:

– Что же вы к нам пришли, раз тут все воры? – буркнул он. – Думаете, это мы у вас телевизор увели?

Петяйкин удостоил его мимолетного взгляда и назидательно сказал:

– Ты, пацан, помолчи, пока взрослые разговаривают! Не имей привычки вмешиваться, а то ведь я сгоряча могу и леща дать!

Ромка побледнел и покрылся красными пятнами. Резкая отповедь уже была готова сорваться с его уст, но тут вмешался Сергей Иванович Кряжковский, мой помощник, самый

старый и самый опытный сотрудник. Я имею в виду опыт не только профессиональный, но и житейский тоже.

– Минуточку! Призываю вас к сдержанности, молодые люди! – произнес он. – Давайте вести диалог в цивилизованных рамках. Иначе мы попросту зайдем в тупик.

После этих слов Ромка немедленно опомнился и счел за лучшее попросту отвернуться от чужака, выражая ему этим полное презрение. А Петяйкин, на секунду опешив, сказал с виноватыми интонациями:

– Да не, ну, конечно, собачиться ни к чему – это я понимаю! Просто не люблю, когда молодежь вмешивается... А насчет воров, так это, вы сами понимаете, к вам не относится! Мы тут все культурные люди, это же ясно! Так ведь меня тоже нужно понять – я все сбережения на этот чертов ящик бухнул! Кто мне теперь денежки вернет?

– Но, уважаемый Федор Ильич! – дипломатично сказал Кряжимский. – Не можете же вы полагать, что мы сумеем возместить вам потерю? У нас газета, а не сыскное бюро! Вам непременно следует обратиться в милицию!

Петяйкин горестно крикнул и махнул рукой.

– Первым делом и обратился! – ответил он. – Вчера еще. Как только маленько оклемался, так и обратился... – голос его вдруг зазвучал смущенно, а лицо побагровело. – Заморозили они меня, менты... Ну, и я виноват, конечно... Пошумел маленько. Так ведь входить в положение надо... А они – кто такой? Да по какому делу? Ну я и не сдержался...

Дальше он уже объяснял так путано, что конец истории удалось понять с большим трудом. По-видимому, Федор Ильич в милиции поскандалил, а сотрудники пригрозили его за это привлечь, чем до смерти перепугали жену Петяйкина и детей. Они уже были рады унести ноги из отделения, и в результате не оставили никакого заявления. Насколько я поняла, стражи закона именно на это и рассчитывали, и горячность агронома сыграла им на руку.

– И чего же вы хотите от нас? – поинтересовалась я.

– Ну, я не знаю, – удрученно ответил Федор Ильич. – Может, напишете, какие безобразия тут у вас творятся? Может, дадут кому-нибудь по шапке? В самом деле, что ж это за порядок, когда среди бела дня телевизор уводят?

Теперь он не казался столь агрессивным, как вначале, напротив – перед нами был растерянный и неловкий провинциал, заблудившийся в коварных городских лабиринтах. Такому хотелось помочь, и, наверное, поэтому у меня вырвалось:

– Ну что ж, допустим, напишем... Возможно, как вы выражаетесь, кому-нибудь дадут по шапке. Но это вряд ли делу поможет. Ведь вашего заявления в милиции нет. Значит, этого случая как бы и не было в природе, понимаете?

– Как это не было?! – опять закипятился Петяйкин. – Это что же, я вру, что ли?

– Позвольте вставить слово, – сказал Кряжимский. – Ольга Юрьевна совершенно верно обрисовала ситуацию. Мы ни-

сколько не сомневаемся в правдивости вашего рассказа, но он должен быть подтвержден документально. Вы – взрослый человек – должны это понимать. Газетная статья не является документом, это тоже понятно. Поэтому я возвращаюсь к своей прежней рекомендации – вам следует обратиться в милицию.

– Да не пойду я больше туда! – угрюмо сказал Петяйкин, категорически встряхивая соломенным чубом. – Хоть вот режьте!

Кряжимский разочарованно развел руками. Мы все переглянулись.

– Может быть, я поговорю предварительно с дежурным? – предложила я Петяйкину. – Объясню ситуацию, замолвлю, так сказать, словечко?

На душе у меня, однако, скребли кошки. На самом деле мне вовсе не хотелось вступать в контакт с милицией. Эта служба традиционно нас недолюбливает, и диалог у нас налаживается всегда со скрипом. Конечно, обстоятельства дела не позволят милиционерам просто так отмахнуться от моей рекомендации, но разговор получится очень непростой.

Петяйкин долго размышлял над предложением и, в конце концов, согласился. Я не только созвонилась с отделением, но и отправилась туда вместе с потерпевшим, чтобы быть уверенной в исходе дела.

Встреча со следователем прошла на удивление гладко. Вскользь попеняв Петяйкину за его несдержанность, тот все-

таким принял заявление, но ничего обнадеживающего не сказал.

– Понимаете, – доверительно поведал он нам. – Этот случай у нас далеко не первый. В районе «Бриллианта» давно орудует какая-то группа. Они, понимаешь, отслеживают в магазине, когда кто-нибудь делает крупную покупку, потом пасут его до машины и ждут. Иногда человек, вот как вы, бросает транспортное средство и отходит – пива попить или, там, в туалет. Бывает, на пять минут отлучатся, а дело уже сделано. Такие вот артисты! Вы думаете дверцы заперли, и все на этом? Умелец вскрывает любую дверь за секунду. А коробку унести – плевое дело, там кругом проходные дворы.

– Так ловить их надо! – выпучив глаза, сказал Петяйкин.

По-моему, он едва удержался, чтобы не стукнуть кулаком по столу. Следователь посмотрел на него долгим взглядом и грустно сказал:

– Правильно, ловить! А как? К каждой машине постового не приставишь. И за каждой коробкой сыщика не пошлешь. У нас на следователе, знаете, по сколько дел висит? Вот, не знаете! А тут центр города, тут чудят все, кому не лень... И поножовщина, и угоны, и убийства – все, что хочешь!

А вы своим легкомыслием создаете лишнюю головную боль... Ну это я к слову, конечно... Искать будем! Не гарантирую, что найдем, но сигнал ваш к сведению примем...

Ни Петяйкин, ни я заверениями следователя удовлетворены не были, но делать было нечего. Агроном мой совсем

приуныл и попрощался со мной довольно сухо. Кажется, мои слова, что мы тоже постараемся что-нибудь разузнать, он не принял всерьез. Мрачный и растерянный, отправился он к себе в Заречное.

Однако я не отношусь к людям, которые бросают слова на ветер. Неприятность, приключившаяся с агрономом, задела меня за живое, особенно когда стало ясно, что подобное случается уже не впервые. У меня были очень веские подозрения, что милиция не станет напрягаться в поисках чужих телевизоров, поэтому я предложила коллегам самим включиться в это дело.

Когда Сергей Иванович Кряжимский заметил Петяйкину, что редакция – не сыскное бюро, он немного покривил душой. Просто дело о краже телевизора показалось ему мелковатым. Вообще же наш маленький коллектив уже давно и успешно подвизается на ниве частного сыска – иногда по собственной инициативе, а иногда по просьбе граждан. Без преувеличения могу сказать, что в этом деле мы определенно достигли успехов, и нам зачастую удавалось распутывать такие клубки, которые оказались не под силу органам правопорядка.

Однако, как правило, мы беремся за расследование серьезных дел, где пахнет сенсацией и весомым материалом для газеты. Поэтому украденный телевизор показался Сергею Ивановичу малоинтересным и частным случаем, из которого много не выжмешь.

Наверное, с точки зрения газетчика, он был совершенно прав. Но мне было по-человечески жаль недотепу агронома и его ни за что ни про что пострадавшую семью. И, кроме того, меня за живое задело существование в центре города таинственной и неуловимой группы похитителей. Это было как-то оскорбительно и абсурдно... А несколько флегматичное отношение к этому делу работников МВД только подливало масла в огонь.

В итоге мы установили дежурства возле «Голубого бриллианта» в надежде напасть на след похитителей электроники. Дежурили мы по двое – один курсировал возле магазина, а другой прохаживался вдоль прилавков, наблюдая за покупателями. Если покупка осуществлялась, мы незаметно сопровождали счастливца до тех пор, пока он не отбывал из этого района.

Днем дежурили Маринка с Ромкой, а вечером – мы с Виктором. Сергей Иванович, как ветеран, был избавлен от этой канители. Из технического оснащения у нас имелись мобильные телефоны, чтобы поддерживать связь, а у Виктора наготове всегда был миниатюрный фотоаппарат. Аппарат цифровой, с высокой разрешающей способностью, и им можно было делать съемку даже при плохом освещении.

Но пока все было впустую. Мы ежевечерне месили грязь на улице и толкались среди посетителей магазина, но ничего подозрительного до сих пор не обнаружили. Я уже начинала понимать скепсис грустного следователя и склонялась к то-

му, что пора снимать пост.

Особенно остро возникло у меня это желание, когда в тот слякотный мартовский вечер я в сотый раз прослушала бодрую попевку о безграничных поцелуях. Остановившись у крыльца «Бриллианта», я с тоской посмотрела на часы.

Было без десяти семь. Скоро магазин должен был закрываться. Можно отправляться по домам. Я уже собиралась войти внутрь, чтобы найти Виктора. И тут за моей спиной раздался странный шум.

Глава II

Участок на котором я находилась, был пешеходной зоной, но сейчас по нему мчалась машина – милицейский «УАЗ» с горящими фарами. На крыше его отчаянно крутилась синяя «мигалка». Наверное, сирена тоже должна была присутствовать, но с ней, должно быть, не все в порядке – время от времени она коротко вскрикивала, но тут же умолкала, словно захлебнувшись. Во всяком случае, внимание к себе она привлекала. Народ, фланирующий по улице, останавливался, и все начинали лихорадочно озираться, пытаясь понять, что происходит.

Я грешным делом решила, что появление служебной машины имеет прямое отношение к поиску воров, и замерла в ожидании. УАЗ между тем подлетел к тротуару напротив двери магазина «Страз» и с визгом затормозил. Из него выскочили четыре милиционера с короткоствольными автоматами и тут же с весьма грозным видом бросились в магазин.

Теперь я наконец заметила, что с боку на машине написаны слова «Вневедомственная охрана», и поняла – сработала сигнализация. Судя по тому, что милиционеров интересовал «Страз», сигнализация к нему и относилась.

Я невольно подалась вперед. Запахло криминалом, а значит, это касалось меня непосредственно. Но не я одна так думала – вокруг магазина немедленно собралась толпа, и мне

пришлось прилагать усилия, чтобы пробиться в первые ряды.

К счастью, в киоске наконец смолкла музыка, и размеренный городской шум показался мне блаженной, почти райской тишиной. Продавец сам выскочил из киоска и тоже вписался в толпу зевак. А народ все прибывал. Меня теперь подталкивали в спину и вынесли почти к самой витрине.

Несмотря на близость к месту происшествия, я мало что могла понять. Магазин «Страз» был совсем невелик – его внутренняя площадь вряд ли превышала сорок квадратных метров. Витрина имела размер два на два, была ярко освещена и демонстрировала разнообразные украшения, изготовленные весьма искусно, но отнюдь не из драгоценных металлов.

Рассмотреть же, что делается за стеклом витрины, в магазине, не было никакой возможности – пространство с разложенными на синем бархате безделушками было забрано чем-то вроде жалюзи из широкой металлизированной ленты, сквозь которые виднелись лишь какие-то неясные тени. Ожидая, пока что-нибудь прояснится, я стала от нечего делать рассматривать дом, в котором располагался магазин.

Это было почтенное строение в четыре этажа, верхние этажи которого, похоже, были жилыми. От соседнего дома его отделяла темная подворотня. Такими каменными коридорами и проходными дворами этот квартал буквально изобиловал. Для похитителей всех мастей район являлся на-

стоящей находкой.

Однако пока ни я, ни кто-либо из зевак никаких похитителей не наблюдал, хотя любопытство наше уже достигло предела. Из магазина долго никто не выходил, а потом все-таки появились два милиционера и, на ходу прикрикнув, чтобы им дали дорогу, направились в темный двор. Кто-то из любопытствующих потянулся за ними.

А еще минут через пять подъехала вторая милицейская машина, из нее вышло трое. Однако я узнала – это был тот самый флегматичный следователь, что принимал заявление от господина Петяйкина. Ни на кого не глядя, троица проследовала в магазин.

Теперь дело пошло быстрее. Вскоре дверь магазина распахнулась, и на тротуар выбрались все действующие лица, включая тех двоих, что несколько минут назад исчезли в подворотне – вероятно, в магазине имелся черный ход со двора. Но теперь прибавился еще кое-кто.

Один, лысоватый, с венчиком седых волос на макушке, с двойным подбородком и сердитым выражением лица, являлся хозяином заведения. Одет он был легко, пиджак в мелкую серебристую клетку был распахнут, обнажая выдающийся живот, распирающий белоснежную рубашку и пояс черных просторных брюк. Не обращая внимания на сырость и ветер, хозяин отчаянно жестикулировал и что-то раздраженно втолковывал стражам порядка.

Второй был одет гораздо теплее, но выглядел не в пример

хуже. Собственно, я не успела его как следует рассмотреть. Зажатый с двух сторон милиционерами, он быстро прошагал к машине, низко опустив голову, и исчез на заднем сиденье. Одно было несомненно – на его запястьях блестели наручники.

Хозяин магазина еще разговаривал со следователем, а остальные милиционеры уже расселись по машинам. Захлопали дверцы. Толпа зевак моментально начала рассасываться.

Я решила на правах старой знакомой тоже задать следователю несколько вопросов и, едва заметив, что разговор его с хозяином заканчивается, тут же двинулась наперерез.

Следователь меня не узнал и довольно неприязненно буркнул:

– Вам что надо? – При этом он даже не замедлил шага.

– Я Бойкова из «Свидетеля», – напомнила ему я. – Мы с вами не так давно встречались...

– Ну и что? – брюзгливо осведомился следователь, открывая дверцу машины.

– Что здесь произошло? – торопливо спросила я. – Вы не могли бы...

– Не мог! – жестко сказал следователь, усаживаясь на сиденье.

Но тут взгляд его слегка прояснился – кажется, он вспомнил, с кем имеет дело, – и уже другим, терпеливым тоном следователь пояснил:

– Ничего особенного... Попытка ограбления, что ли... Будем разбираться. Какой-то придурок ворвался в магазин дешевой бижутерии... Чудак, если не сказать хуже... Но вы извините, мне некогда... – Он хлопнул дверцей, и обе машины, зарывчав, тронулись с места.

Я поспешно обернулась. Пространство перед «Стразом» уже опустело, хозяин запер магазин. Не думаю, чтобы он открыл его по моей просьбе.

Вообще все торговые точки в округе сворачивались, кроме ресторанчика и неутомимого продавца звукозаписи. Только теперь он, словно сжалившись надо мной, запустил наконец другую песню – «Не обижай меня». Может быть, это намек потенциальным грабителям.

Навстречу мне через дорогу шел Виктор. Кажется, он не успел к началу спектакля и теперь вопросительно поглядывал на меня, ожидая разъяснений. Наш Виктор – просто патологический молчун, и мне приходится понимать его по жестам, взглядам и скупой мужской мимике. Кое-каких успехов на этом поприще мне удалось добиться.

– Какой-то придурок хотел ограбить магазин бижутерии, – повторила я единственную известную мне версию. – Может быть, ему хотелось порадовать на Восьмое марта жену или любимую девушку... Но у него ничего не вышло. Сработала сигнализация. Приехала вневедомственная охрана и взяла грабителя без единого выстрела... Кстати, любопытно, чем он был вооружен? Я ничего, кроме наручников, не ви-

дела.

Потом вызвали следователя, ну, и, пожалуй, все... Не знаю, тянет ли эта история на что-либо крупнее заметки на второй полосе? Мне хотелось побеседовать с хозяином магазина, но он больше не принимает визитеров... Ну и как – отправимся мы по домам?

Что мы тут же и сделали. Виктор подбросил меня на своей машине – сегодня его очередь. Мы как бы заключили негласное соглашение – использовать наши транспортные средства поочередно. В целях экономии бензина и резины.

Итак, сегодня мы опять впустую убили два часа. Похитители телевизоров ничем себя не обнаружили и на этот раз. Объяснений тому могло быть сколько угодно, но у меня складывалось впечатление, что эти ребята решили взять тайм-аут. Может быть, они заметили нас, но, скорее всего, в районе «Бриллианта» все-таки работали переодетые оперативники – именно они спугнули преступников. Таким образом, получалось, что мы выполняем бесполезную работу. В народе это называется мартышкин труд.

– Знаешь, что? – сказала я Виктору. – Наверное, пора нам сделать перерыв. Завтра наблюдение прекращаем. Займемся чистой журналистикой. Наведаюсь-ка я в магазин «Страз» и попытаюсь расспросить хозяина о сегодняшнем инциденте. К утру он, я думаю, отойдет и поделится впечатлениями. Позже можно будет связаться со следствием, и худо-бедно, а материал наберется. Как ты думаешь?..

Виктор по своему обыкновению пожал плечами. Этот жест у него также имел некоторые нюансы, недоступные для постороннего глаза. Но я сразу поняла, что моя идея его не греет. Тема действительно никак не тянула на сенсацию, но ничего лучшего в поле нашего зрения пока не попало. На безрыбье, как говорится, и рак – рыба.

На следующее утро я объявила о своем решении всем сотрудникам. Маринку оно явно обрадовало. Эта девушка была склонна к авантюрам, но только в личной жизни – тут ей не было равных. Она смертельно влюблялась по нескольку раз в году, и тогда все вокруг нее шло кувырком. Но это определялось отнюдь не легкомыслием, а некоей маниакальной тягой к идеалу. Поскольку природа не терпит пустоты, то место, предназначенное этому самому идеалу, периодически занимали разные броские личности мужского пола – спортсмены, артисты, музыканты или же просто супермены. На поверку рано или поздно они, конечно же, оказывались мерзавцами и исчезали из Маринкиной жизни, в очередной раз разбив ее пылкое сердце.

На работе же она предпочитала спокойную жизнь и размеренную обстановку, ограниченную рамками офиса и служебными инструкциями. Маринка терпеть не могла красться по следам или лежать в засаде. Вообще она старалась держаться подальше от преступников, предпочитая общение с компьютером, кофеваркой и телефоном.

Ромка был полной противоположностью – уж он-то вооб-

ражал себя великим сыщиком. Несмотря на свою скромную должность, он был готов в любое время дня и ночи включиться в погоню, устроить слежку и вообще влезть туда, куда влезать не следует. Что поделаешь, его молодая энергия требовала выхода. Но, как и свойственно молодым, он быстро остывал, не обнаруживая немедленного результата своих усилий. Поэтому сообщение о перерыве Ромка воспринял с молчаливым одобрением.

Зато Сергей Иванович Кряжимский был немного разочарован. Не то чтобы его сильно увлекла проблема кражи телевизоров, но он предпочитал любое дело доводить до логического конца, даже если оно казалось невыносимо нудным и бесперспективным. Однако, поскольку личного участия в наблюдении Сергей Иванович не принимал, то возражений от него не последовало.

Ну а я опять поехала к «Голубому бриллианту», только теперь имела в виду несколько иную цель – удовлетворить любопытство относительно вчерашнего происшествия, лишь заключительную часть которого мне довелось увидеть собственными глазами.

Мне доводилось и раньше заглядывать в «Страз» – разумеется, совсем из других побуждений, просто как покупательнице. Правда, я ничего там так и не купила, но это уже другой вопрос. Посмотреть там было на что. Спецификой этого магазина являлось то, что там торговали украшениями, при изготовлении которых почти не использовались ни

драгоценные металлы, ни камни, а лишь простые материалы – пластмасса, сталь, дерево, специальные смолы. Вся соль была в исполнении. Изысканный дизайн, тонкая ручная работа – вот что вызывало восхищение. При всем том браслеты, серьги и ожерелья, продававшиеся в «Стразе», стоили не так уж дешево. Может быть, именно это обстоятельство ввело в заблуждение незадачливого грабителя?

Скорее всего это был какой-то новичок. Опытный преступник вряд ли прельстился бы на такую добычу. Ее попросту не удалось бы сбыть с рук. Для этого пришлось бы открывать еще один магазин.

Но, может быть, преступник знал что-то такое, о чем не знаю я? Возможно, в его действиях был какой-то скрытый смысл? Вот это я и намеревалась выяснить.

При дневном свете знакомый квартал выглядел повеселее. Из-за туч периодически выглядывало солнце, и в его лучах ослепительно вспыхивали стекла витрин. Подворотни и здания не казались такими уж мрачными. Грязный снег таял прямо на глазах.

Киоск звукозаписи возле «Голубого бриллианта» работал вовсю. Песенка про ставшую взрослой девушку опять разносилась по всей округе, но сейчас даже она не вызывала у меня особого раздражения. Таково благотворное действие солнечного света – он примиряет нас с жизнью. Кстати, психиатры давно пришли к такому выводу.

По привычке внимательно оглядев стеклянный фасад

«Голубого бриллианта» и прилегающую к нему территорию, я направилась в противоположную сторону и открыла дверь магазина «Страз».

В глубине помещения тут же тренькнул звоночек – деликатно, но совершенно отчетливо. Ничье появление не оставалось тут незамеченным.

Я вошла в небольшой уютный зальчик, отделанный в спокойных голубоватых и бежевых тонах. Значительную часть помещения занимали застекленные, искусно подсвеченные прилавки.

Две девушки в кожаных пальто, похожие на студенток, с любопытством разглядывали бижутерию. За ними доброжелательно наблюдала миловидная полная женщина лет сорока пяти в нарядном цвета бордо платье, на мой взгляд, чрезмерно украшенном кружевами, – но, видимо, женщине такой стиль нравился.

Того мужчины, которого я накануне приняла за хозяина, в зале не было. Но в дальнем конце помещения виднелась приоткрытая дверь, и я невольно уставилась туда, игнорируя все чудеса бижутерии, сверкающие под толстыми стеклами.

Мой интерес показался женщине с кружевами немного странным, и она тут же поспешила мне навстречу, изобразив на полном лице радушную, почти интимную улыбку.

– Могу я вам чем-то помочь? – спросила она приятным мелодичным голосом.

– Да, наверное, – ответила я, улыбаясь не менее очарова-

тельно. – Вы здесь работаете?

– Разумеется, – хохотнула женщина, но тут же заботливо сказала: – Хотите что-нибудь выбрать? Себе? Или в подарок?

– В другой раз, пожалуй, – ответила я. – Видите ли, меня сейчас интересует несколько необычный вопрос...

– Вот как? – подняла брови женщина. – Вы меня пугаете! Вы, случайно, не из налоговой инспекции? А то хозяина сейчас нет, а я без него, боюсь, не смогу вам ничем помочь...

– Ага, значит, хозяина нет! – огорченно заметила я. – Жаль. Но, может быть, обойдемся и без него? Кстати, хочу вас успокоить – ни к каким проверяющим организациям я отношения не имею. Я работаю в газете. Вот мое удостоверение. Ольга Юрьевна Бойкова, будем знакомы!

Не скажу, что мое заявление обрадовало собеседницу.

Растерянно повертев в руках удостоверение, она вернула его мне и неуверенно сказала:

– Ну что ж, очень приятно... Меня зовут Эдита Станиславовна... Только я не понимаю... Вы хотите написать о нас в газете?

Вообще-то большинство людей обожают появляться на телеэкране или хотя бы попасть в герои газетных публикаций, но, видно, это был не тот случай. Пришлось сделать улыбку еще ослепительнее и сказать:

– Вас что-то смущает? Но, поверьте, я не имею в виду ничего плохого. Мне просто бы хотелось...

Эдита Станиславовна озабоченно оглянулась на студентов в кожаных пальто. Кажется, они начинали обращать на нас внимание.

– Знаете, что? – предложила она. – Давайте выйдем в дру- гую комнату. Там не очень уютно, правда, но там можно бу- дет спокойно поговорить. Вы меня понимаете? – добавила она значительно.

Я не стала возражать. Мы прошли в соседнее помеще- ние. Видимо, это было что-то вроде склада – кругом громоз- дились какие-то коробочки, ящички, среди них бродила с несколько потеряннм видом тоненькая девушка в толстом свитере и в джинсах в обтяжку.

– Анастасия, поди пока в зал, – распорядилась Эдита Ста- ниславовна. – Мне нужно поговорить с человеком...

Девушка изучающе осмотрела меня, молча кивнула и вы- шла.

– Моя дочь, – почему-то смущенно объяснила Эдита Ста- ниславовна. – У нас, понимаете ли, семейный бизнес...

– Хозяин магазина ваш муж? – догадалась я.

– Нет-нет, – со смешком сказала она. – Адам Станиславо- вич – мой брат. Старший брат. Он, знаете ли, не женат. Как- то не сложилось. Адам всю жизнь отдавал делу. Он – пре- восходный ювелир! Его знают даже за границей – в опреде- ленных кругах, конечно...

– Значит, товар, которым вы торгуете, – дело рук вашего брата? – поинтересовалась я.

– Частично так и есть, – ответила Эдита Станиславовна. – Но сейчас Адам мало этим занимается... Впрочем, это вам неинтересно! А большую часть товара мы покупаем. У нас имеются поставщики даже в Англии! – с гордостью закончила она.

– Действительно, любопытно, – за метила я. – Никогда бы не подумала. Но, кажется, у вас не слишком бойко идет торговля?

Эдита Станиславовна вздохнула.

– Вы не правы! – сказала она с упреком. – У нас есть определенный круг покупателей, знатоков, понимаете? Бывают представители элиты – артисты, бизнесмены, политики... Для них мы доставляем вещи по специальному заказу – самые оригинальные, самые модные! Но, между прочим, и так люди заходят – с улицы. И тоже что-то берут. Не все, конечно, но очень многие. Так что вы зря это говорите – не идет торговля! Без ажиотажа, но мы ведь не пирожками торгуем! – усмехнулась Эдита Станиславовна.

Ее слова меня не слишком-то убедили. Я толкалась около ее магазина каждый вечер в течение двух недель, но что-то никакой элиты не замечала. Впрочем, по вечерам элита, наверное, занимается другими делами, а, кроме того, может, у них принято заходить с черного хода – откуда мне знать?

– Я, собственно, ничего такого не имела в виду, – примирительно заметила я. – Меня интересует другой вопрос. Вчера я была невольным свидетелем ограбления. Поскольку эта

тематика – профиль нашей газеты, мне хотелось бы выяснить некоторые подробности. Если, конечно, вы не возражаете...

– Ах, вот вы о чем! – воскликнула Эдита Станиславовна. – Это ужасно! Невероятно, что творится вокруг! Какой-то кошмар! Представляете, к вам в магазин вламывается грабитель! Случись такое со мной, я, наверное, просто умерла бы со страху!

– Как, а разве вас вчера здесь не было? – разочарованно спросила я.

Эдита Станиславовна эмоционально всплеснула руками.

– И не говорите! – шепотом произнесла она. – Просто как чувствовала. Вчера на телестудии отмечали юбилей, и мы всей семьей отправились туда. Муж мой ведь работает на телевидении, – с гордостью объяснила она. – Кавалов Виктор Алексеевич, не слышали?

– Что-то не припоминаю, – ответила я.

Оказывается, моя новая знакомая была своим человеком на телевидении – а я-то хотела прельстить ее газетной публикацией!

– Ну что ж, это неудивительно, – вздохнула Эдита Станиславовна. – Он занимает не такую уж заметную должность. Но очень важную! Он – администратор.

– Понимаю, – сказала я. – А брат ваш, значит, не принимал участия в торжестве?

– Не принимал, – кивнула Эдита Станиславовна. – Для него магазин – прежде всего. Никаких праздников, никаких

больничных. Бизнес, что поделаешь! И потом, откровенно говоря, между ним и Виктором Алексеевичем несколько натянутые отношения! – доверительно добавила она.

– Неужели?

– Да-да! Мой муж всегда недолюбливал Адама. Считал его скрягой. На этой почве у них даже доходило до скандала! Виктор уверен, что Адам пользуется моей наивностью! Ему кажется, что он слишком мало мне платит, понимаете? Возможно, он и прав, но я ведь не владелица на самом деле. Все принадлежит Адаму. И платит он мне, я считаю, вполне прилично. Хотя все относительно, конечно...

– Муж хочет, чтобы вы поменяли место работы?

– Мало ли чего он хочет! – с вызовом сказала Эдита Станиславовна. – Куда я пойду? Что я еще умею делать? Сколько я себя помню, всегда помогала Адаму. Мы еще жили в Прибалтике, в Литве, когда он занялся ювелирным промыслом – неофициально, конечно. Тогда это не приветствовалось, сами знаете. Но Адам не лез на рожон. Правда, в начале восьмидесятых у него возникли неприятности, а я как раз познакомилась с Каваловым. Мы поженились и переехали жить сюда. Адам переехал чуть позже, но сразу сумел купить себе квартиру – денежки у него тогда уже водились. Это была другая квартира. Здесь, на проспекте, квартиру Адам приобрел два года назад – он всегда хотел, чтобы и магазин, и мастерская, и жилье – все было рядом.

– Значит, ваш брат и живет здесь же?

– Да! Через стенку, – согласилась Эдита Станиславовна. – Помещение, как видите, просторное, потолки высокие! Правда, пришлось делать большой ремонт... Но зато взглянули бы вы на его мастерскую!

– С удовольствием бы взглянула, – сказала я. – Но, думаю, вряд ли это возможно, не так ли?

– Я бы вам обязательно все показала, – заговорщицки сообщила Эдита Станиславовна. – Но Адам такой педант! У него все на замках и на сигнализации. А после вчерашнего случая... Кстати, по этому поводу он и ушел – ему позвонили из милиции и попросили зайти подписать какие-то бумаги... Потом он намеревался еще куда-то заехать по делу, так что, боюсь, сегодня вы его не дождетесь. Зайдите лучше завтра. Правда, я не уверена, что от Адама вы чего-то добьетесь – он так несловоохотлив!

– Может быть, замолвите за меня словечко? – улыбнулась я.

Эдита Станиславовна многообещающе сжала мою руку теплой мягкой ладонью.

– Сделаю все, что в моих силах! – искренне сказала она. – Знаете, я испытываю к вам настоящую симпатию. Я сразу вижу человека, поверьте мне!

– Спасибо, – ответила я. – Тогда, пожалуй, пойду, не буду отрывать вас от дела... Кстати, как муж относится к тому, что ваша дочь работает у дяди?

– А она не работает, – лукаво прищурилась Эдита Стани-

славовна. — Просто иногда я беру ее с собой, чтобы девочка не была предоставлена самой себе. Сейчас так много соблазнов! Нужно постоянно быть начеку, вы согласны? Вообще-то она учится. Посещает вечерние курсы секретарей-референтов. Какая-то частная школа. Курс обучения ужасно дорогой, но куда денешься? Ведь так трудно куда-нибудь пристроиться! Но моя девочка, слава богу, без претензий, вся в меня. Предпочитает, как говорится, синицу в руке...

Она открыла дверь в торговый зал. Я уже собиралась шагнуть через порог, как вдруг в глаза мне бросились довольно объемистая картонная коробка и крупные буквы на ее боку, складывающиеся в слово «Сони». Я словно приклеилась к полу.

Конечно, корпорация «Сони» выпускает телевизоры сотнями тысяч, может быть, миллионами. Далеко не все попадают в Россию, а тем более в город Тарасов. Тем не менее кое-что попадает и даже раскупается. Я сама могу с ходу сказать, что никаких особых причин впадать в столбняк не было. Разве что две недели неусыпного бдения в этом самом квартале да засевшая в мозгу занозой мысль о пропавшем «Сони» агронома Петяйкина. Наверное, для человека, следующего формальной логике, эта мотивация показалась бы недостаточной, но, слава богу, мы, женщины, иногда забываем про логику.

— Вас что-то беспокоит? — недоуменно спросила Эдита Станиславовна.

– А вы торгуете телевизорами? – пробормотала я, показывая пальцем на коробку. Ничего лучшего мне в голову не пришло.

Эдита Станиславовна коротко рассмеялась.

– Ну что вы! Конечно, нет! – сказала она. – Наоборот, Адам Станиславович купил недавно телевизор. Представляете, у него до сих пор не было телевизора! Как можно жить в наше время без него? Наверное, муж все-таки отчасти прав – Адам с большой неохотой расстается с денежками...

– Но в данном случае этого не скажешь, – заметила я. – Этот телевизор не дешевка.

Эдита Станиславовна доверительно понизила голос:

– Скажу вам по секрету, Адам взял его за полцены! Просто подвернулся случай...

– Вот как? – насторожилась я. – Мне бы тоже хотелось напасть на такой случай! Ваш брат не сможет дать мне рекомендацию?

– А вы завтра у него и спросите! – с улыбкой ответила Эдита Станиславовна. – Только не думаю – случай, он и есть случай. Должно быть, какой-то бедолага купил, а тут вдруг срочно понадобились деньги...

– Давно это было? – рассеянно спросила я, не в силах оторвать взгляд от коробки.

– Что? Ах, телевизор? – Эдита Станиславовна наморщила лоб. – Не скажу точно. С полмесяца, наверное...

Этими словами она меня просто убила. Теперь я ни за что

не могла уйти, не заглянув в коробку.

– Вы позволите? – умоляюще проговорила я и сделала шаг назад.

Эдита Станиславовна с непонимающей улыбкой следила за мной, но не возражала. Должно быть, она подумала в этот момент, что все журналисты слегка сумасшедшие. Я, верно, и в самом деле выглядела странно, когда рвалась к этой картонной таре, точно кошка к валерьянке. Но меня это ничуть не смущало – журналисты действительно немного чокнутые.

Коробка была совсем новой, аккуратно вскрытой по верхнему шву. У меня был большой соблазн выпросить у Эдиты Станиславовны это сокровище, чтобы проверить его на отпечатки пальцев, но я отказалась от этой мысли – наивность даже такой милой женщины далеко не безгранична.

Эта дикая просьба непременно должна была ее насторожить. Я ограничилась тем, что тщательно осмотрела коробку снаружи, а потом открыла крышку и заглянула внутрь.

Мое любопытство наконец-то было вознаграждено. Совершенно неожиданно среди кусков пенопласта, на самом дне, я увидела кассовый чек! Он был надорван, но выглядел вполне прилично.

О такой удаче трудно было даже мечтать. То ли телевизор действительно был «чистый», то ли тот, кто сбывал его, не заметил завалившегося в коробку чека – как бы то ни было, теперь этот клочок был у меня в руках.

– Давно надо тут половину выбросить, – со вздохом сказа-

ла Эдита Станиславовна. – Все никак не соберемся. Машину нанимать надо. Пользоваться мусорными ящиками во дворе мы не рискуем – жильцы скандалят, грозят жаловаться. Сами понимаете, какое отношение у нас к предпринимателям... А вы, кстати, не знаете, имеем мы право выбрасывать нашу тару в общий контейнер? В конце концов, Адам также платит за вывоз мусора!

– Увы, в этом вопросе я некомпетентна, – ответила я, незаметно пряча в ладони квадратик бумаги.

– Я тоже, – с сожалением призналась Эдита Станиславовна. – Адам давно собирался утрясти этот вопрос, но так и не собрался. Ему все некогда.

Странно, подумала я, почему ему все некогда? Сама Эдита утверждала, что ее братец теперь мало занимается ручной работой. Что он вообще за человек, интересно? Имел неприятности в Литве, за границей его знают, скряга, телевизоры с рук покупает, все у него на сигнализации... Я вспомнила венчик седых волос вокруг лысины, второй подбородок и сердитый взгляд Адама Станиславовича. Нужно будет приглядеться к нему поближе, решила я.

Кавалова проводила меня до самого выхода. Здесь мы распрощались с обоюдными улыбками. Когда я покидала магазин, за моей спиной опять тренькнул звоночек, словно о чем-то предупреждая.

Глава III

– Ну, что? – торжествующе произнесла я, выкладывая на середину стола надорванный посередине чек. – Не было счастья, так несчастье помогло!

Все мои коллеги сидели в нетерпеливом ожидании вокруг стола. Я собрала их специально – сразу по возвращении из «Страза», надеясь произвести впечатление. Еще бы – две недели бесплодного ожидания, скепсис следователя, постепенная потеря надежд, а тут вдруг я сразу выхожу на след похищенного у Петяйкина телевизора! Я рассчитывала, что меня встретят рукоплесканиями.

Но действительность всегда сурова и к мечтам относится беспощадно. Мои сотруднички молча воззрились на клочок бумаги, а потом осторожно покосились на меня, ожидая разъяснений. До сих пор они казались мне сообразительней.

Первой заговорила Маринка. Ее типично женский ум сразу заработал в определенном направлении.

– Ты себе что-то купила? – спросила она, показывая пальцем на чек.

Я была разочарована, но постаралась скрыть досаду, лишь заметив с иронией:

– Ага, и специально собрала всех, чтобы отчитаться в своих расходах!.. Думайте, господа, думайте! На нашей работе это не вредно!

Сергей Иванович Кряжковский смущенно прокашлялся, водрузил на нос очки и аккуратно взял кассовый чек в руки. С минуту он разглядывал его, а остальные в напряженном ожидании разглядывали самого Сергея Иваныча. Наконец он озадаченно крикнул, с уважением посмотрел на меня и сказал:

– Однако!.. Как вам это удалось?

Он положил чек на стол, и его тут же подхватил Виктор.

Изучал чек он недолго и, одобрительно хмыкнув, передал Маринке. Та схватила клочок бумаги с таким нетерпением, словно это была любовная записка, но, прочитав, разочарованно протянула:

– Чего-то я ничего не понимаю! Чему вы все так радуетесь? Может, кто-то объяснит толком?

Она без сожаления отдала чек Ромке, и вот он-то отчасти вознаграждал мои ожидания. Едва пробежав его глазами, он восторженно выпалил:

– Ни фиги себе! Это же то самое! Телевизор! И число то же самое, и время подходящее, и магазин «Голубой бриллиант»! Ольга Юрьевна, где вы его достали?! Это действительно он?

– Ну, до конца я не уверена, – скромно ответила я. – Но те данные, что указаны на чеке, плюс некоторые сопутствующие обстоятельства позволяют с большой долей вероятности предположить...

– Постой-постой! – бесцеремонно перебила меня Марин-

ка. – Ты что – нашла телевизор этого агронома? Когда ты успела? Вроде ты объявила утром, что это дело нас больше не интересует?..

Здесь следует заметить, что с Маринкой нас связывают не только служебные, но и чисто дружеские отношения, чем она порой беззастенчиво пользуется, позволяя себе всякие вольности. Делает она это без всякой задней мысли и, надо отдать должное, только среди своих, поэтому я не обижаюсь. Вот и теперь я лишь спокойно заметила:

– Во-первых, временно не интересует! Но теперь эта установка автоматически теряет силу. Глупо было бы не воспользоваться предоставленным шансом. Во-вторых, строго говоря, нашла я не сам телевизор, а коробку от него и, само собой, чек, который вы все видели. Но я не знаю, где находится телевизор. Именно этот вопрос требует общего обсуждения. Если не возражаете, приступим к нему немедленно, как только я изложу факты...

Что ж, начали слушать мой рассказ с воодушевлением, но, по мере изложения хода беседы с Эдитой Станиславовной, лица коллег все больше вытягивались – наверное, я все-таки обманула их ожидания. Особенно это касалось, конечно, Ромки – ему хотелось, чтобы на горизонте скорее замаячила зловещая фигура преступника. Он и заговорил первым.

– Это что же выходит? – с сомнением спросил он. – Телевизор украли и тут же, отойдя на пять шагов, продали? Странно как-то...

– Заметь, мы еще не знаем, когда владелец «Страза» купил телевизор, – сказала я. – Даже если это тот самый «Сони». Не исключено, что у похитителей где-то поблизости находится штаб-квартира. Ведь они должны быстро замечать следы, не так ли?

– Но ведь этого «Страза» хотели ограбить! – напомнила Маринка. – Что, если это тот же самый, кто продал ему телевизор? Поглядел, как этот буржуй хорошо живет, и вернулся туда с пистолетом...

– Про пистолет пока речи не было, – неуверенно заметила я.

– Не с голыми же руками он полез, – резонно возразила Маринка.

– Могла быть имитация, – предположил Ромка.

Я подняла руку.

– Сейчас речь не об ограблении! Вернемся к телевизору. Мы наконец-то чуть приблизились к этому вопросу, появился хоть какой-то след! Вдруг Адам Станиславович может сообщить нам что-то о человеке, у которого он купил телевизор?

– Позвольте усомниться, Ольга Юрьевна, – с сожалением сказал Кряжимский. – Судя по тому, что вы рассказали, хозяин магазина крепкий орешек. Вряд ли он будет откровенничать с посторонним человеком. Боюсь, вы не узнаете от него ни о телевизоре, ни о грабителе. Разумнее будет обратиться с этими фактами к следователю.

– Намекнуть! – непонятно сказал Виктор.

Но я сразу сообразила, что он имеет в виду – к следователю пока не обращаться, но перед хозяином «Страза» нарисовать такую перспективу. Этот вариант мне понравился – я и сама не очень-то рассчитывала на словоохотливость ювелира, но полагала, что лишние контакты с правоохранительными органами его вряд ли обрадуют. Может быть, он предпочтет иметь дело с нами. Что нас вполне устроило бы. Если информация окажется ценной, мы сможем выйти на след похитителей и без помощи милиции. Как говорится, очередная зарубка на прикладе.

– Виктор имеет в виду небольшой обходной маневр, – пояснила я. – Завтра я встречу с Адамом Станиславовичем и предложу ему сделку. Или он сообщает нам все, что он знает о человеке, у которого купил телевизор, или, в противном случае, ему придется объясняться со следователем. Думаю, он выберет первое. Но у меня возникла шальная мысль – вдруг этот самый ювелир как-то связан с этим делом? Ромка в этом смысле прав – немного странно все это выглядит – крадут и продают в одном и том же квартале. Кто знает, вдруг магазин как раз и является штаб-квартирой похитителей?

– Боюсь, вы ошибаетесь, Ольга Юрьевна, – сказал Кряжмский. – Зачем бы тогда этому Адаму оставлять себе столь приметный экземпляр? Это слишком неосторожно.

– Именно потому и оставил, – возразила я. – Что экзем-

пляр стоящий. А что касается осторожности – где вы сейчас видели осторожных преступников? Сейчас берут количеством, а не качеством. Как бы то ни было, а проверить эту версию стоит. Мне хотелось бы, чтобы завтра Ромка подстроговал меня.

– Да я с удовольствием! – воскликнул наш великий сыщик. – А что надо делать?

– Ничего особенного, – ответила я. – Просто пофланируешь возле магазина, пока я буду вести переговоры. А когда я уйду, понаблюдаешь, что будет делать хозяин. Вдруг он срочно захочет с кем-то встретиться?

– Это я запросто, – сказал Ромка.

– Ну а если завтра мы упремся в глухую стену непонимания, – продолжила я, – то остается одно – навестить грустного следователя. Может быть, эта история оживит его.

– Кстати, я в этом «Стразе» была тысячу раз! – неожиданно сообщила Маринка. – Там есть симпатичные побрякушки. И еще продавщица там такая миленькая пышечка – наверное, ее ты и видела. Она не первой молодости, но некоторым мужикам такие нравятся. Говоришь, муж у нее работает на телевидении?

– Администратором, – напомнила я.

– Все равно, полезное знакомство, – заметила Маринка. – На твоем месте я бы завела с этой дамой дружбу. Мы могли бы закинуть удочку насчет рекламы на телевидении.

– У меня директор телестудии знакомый, – небрежно ска-

зала я. – Только сейчас все деньги решают. А реклама даже на нашем телевидении кусается. Предпочитаю печатать рекламу, а не заказывать ее.

– И все-таки, если есть такая возможность, я бы на вашем месте, Ольга Юрьевна, сошелся покороче с Эдитой Станиславовной, – сказал Кряжковский. – Возможно, это знакомство пригодится в дальнейшем. Я имею в виду ваши подозрения насчет хозяина «Страза».

– Что ж, она женщина общительная, – согласилась я. – И, надо сказать, довольно симпатичная. Если с братом у нас ничего не получится, предложу ей верную дружбу.

– Ну, если брат темнит, вечной дружбы у вас не получится, – мрачно заметил Ромка.

– Наше дело – предложить, – легкомысленно ответила я. Никакие сомнения не могли испортить мне настроение. Удача с кассовым чеком вселила в меня надежды, и я рассчитывала, что теперь наше расследование выйдет на новый виток. Конечно, дело было не слишком сенсационным, но, раскрутив его, мы смогли бы ощутимо помочь обществу, потому что кража телевизора кажется мелочью только тому, кто сам его не лишился. Я невольно вспомнила разгневанное и растерянное лицо Петяйкина.

Виктор, похоже, угадал мои мысли, потому что тут же вслух произнес ту же фамилию. Я поняла, что он предлагает известить агронома – может быть, для того, чтобы тот опознал свой телевизор.

– Сделаем это позже, – решила я. – Вдруг Адам Станиславович уже поспешил избавиться от телевизора? Стоит ли тогда срывать человека с места? Сначала выясним все обстоятельства.

На том и порешили. Вдобавок Кряжимский должен был выяснить по своим каналам, нет ли в прошлом за хозяином «Страза» чего-нибудь предосудительного. У Сергея Ивановича имелись связи в МВД и прокуратуре, и он мог это сделать. Маринке я поручила узнать, каким образом связаться с Заречным. Я очень надеялась, что агроном Петяйкин скоро может нам понадобиться.

Глава IV

На следующий день я снова отправилась в магазин «Страз» к самому его открытию. Верный Ромка сопровождал меня до места, а потом непринужденно затерялся в уличной толпе. Мы договорились, что он войдет в магазин после моего ухода – вряд ли Адам Станиславович заподозрит в чем-то одинокого празднующегося подростка.

Настроена я была на серьезный разговор. Меня еще поддерживала уверенность, что сестра Адама Станиславовича действительно замолвила за меня словечко и дала самую лестную характеристику. В ее присутствии, к тому же, будет сложно отрицать очевидное.

Однако, когда я вошла в магазин, меня ожидало разочарование. Эдиты Станиславовны в торговом зале не оказалось. За прилавком стоял сам хозяин – неприступный, застегнутый на все пуговицы мужчина. На нем был черный пиджак, серый жилет и строгий галстук. Обрюзгшее лицо, покрытое сетью красноватых прожилок, выглядело надменным и скупающим.

Мельком посмотрев в мою сторону, Адам Станиславович продолжил разговор с каким-то худощавым, коротко стриженным парнем, который, видимо, выбирал подарок для своей девушки. В таких случаях молодые люди зачастую выглядят растерянными и смущенными, словно совершают нечто

предосудительное. Может быть, их угнетает мысль, что они выбрасывают деньги на ветер.

Этот парень тоже чувствовал себя неловко – это сразу бросалось в глаза. Вдобавок Адам Станиславович, профессионально угадав в парне никудышного клиента, разговаривал с ним явно резко и небрежно. На мой взгляд, это был самый надежный способ отвалить покупателя.

Но, наверное, я плохо разбираюсь в тайнах бизнеса – гораздо хуже, чем, к примеру, Адам Станиславович. Он же действовал безошибочно, моментально распознав в покупателе натуру закомплексованную и управляемую. Подавив парня плохо замаскированным презрением, Адам Станиславович постепенно навязал ему свою волю, пустив в ход весь арсенал – мимику, снисходительный тон, равнодушный взгляд – и, наконец, вынудил купить именно то, что хотел продать, а вовсе не то, что представлял в своем воображении парень. Я это поняла по торжествующему огоньку, который на мгновение мелькнул в глазах ювелира.

В каком-то смысле мое присутствие способствовало этой сомнительной сделке. Один на один парень еще как-то выдерживал психологическую атаку, но появление свидетеля, да еще женщины, сломило его окончательно. Приняв независимый вид, он сделал наконец свой выбор, который ему, по сути, навязал Адам Станиславович, и полез в карман за деньгами.

Адам Станиславович удовлетворенно кивнул и принялся

упаковывать товар. Он вложил его в футляр, потом завернул футляр в хрустящую цветную бумагу, и наконец перевязал все ленточкой. Приняв от покупателя деньги, он вручил ему сверток и, почти не глядя, выбил чек на кассовом аппарате.

– Заходите к нам еще! – сказал Адам Станиславович в заключение.

Тон его при этом сделался почти добродушным. Но по лицу парня я поняла, что здесь он больше не появится никогда.

Впрочем, это были не мои проблемы. Едва оставшись с Адамом Станиславовичем наедине, я изобразила на лице одну из самых обворожительных своих улыбок и спросила:

– Простите, а Эдиты Станиславовны сегодня нет?

Ювелир посмотрел на меня очень внимательно. Глаза у него были холодные и колючие. По-моему, он уже догадался, кто я такая, но не подал виду.

– А вы знакомы с Эдитой Станиславовной? – настороженно спросил он.

– Вчера познакомились, – весело ответила я. – Она вам про меня не говорила? Моя фамилия Бойкова. Я редактор газеты «Свидетель», может быть, приходилось читать?

– Я читаю только специальную литературу, – сухо сказал Адам Станиславович. – Политика меня не интересует.

– Нас тоже! – с энтузиазмом подхватила я. – Наша газета посвящена криминальной жизни, в первую очередь нашего города, конечно.

– Делаете бизнес на чужих несчастьях? – холодно осведо-

мился ювелир.

– Можно сказать и так, – ответила я. – Но мы придерживаемся иного мнения. Нам кажется, что мы вносим некоторый вклад в борьбу с преступностью. Молчать о ней – это не выход.

Адам Станиславович скептически покачал головой. По его лысине прокатился световой блик.

– Впрочем, это меня тоже не интересует, – неуступчиво заявил он. – Не совсем понимаю, что привело вас сюда. Эдиты Станиславовны сегодня не будет.

«Ого, это неспроста, – подумала я. – Разговор-то, кажется, будет не таким легким, как хотелось бы». Но отменять его я, разумеется, не собиралась.

– Жаль, – заметила я. – Она, случайно, не заболела?

– Насколько мне известно, не заболела, – терпеливо ответил ювелир. – У вас есть еще вопросы?

– Есть, – сказала я. – Откровенно говоря, я пришла именно к вам, Адам Станиславович. Ваша сестра обещала лишь предупредить...

– Нет, она меня ни о чем не предупреждала, – слегка раздражаясь, сказал ювелир. – А что, собственно, случилось?

Мне было ясно, что он притворяется. И сестру он убрал сегодня специально, зная, какая она болтушка. Но тем не менее отвечать ему придется – никуда он не денется.

– По правде говоря, это мне хотелось вас расспросить, что случилось, – широко улыбаясь, сказала я. – Позавчера вече-

ром...

Адам Станиславович вскинул вверх руки.

– Довольно! Прощу вас не касаться этой темы! – с отвращением глядя на меня, вскричал он. – Только папарацци мне здесь не хватало! Милиция, соседи... Сколько можно? Никаких комментариев, уважаемая!

– Вы не хотите рассказать мне об ограблении? – огорчилась я.

– Совершенно верно! – категорически мотнул головой ювелир.

– Но почему?! – Я решила до поры притвориться наивной дуручкой.

Адам Станиславович возвел глаза горе и скорбно сжал губы. Потом он сказал брюзгливо:

– Что ж, если вас интересует что-нибудь из украшений, я не смею вам препятствовать... Но определенно заявляю – об этом инциденте разговаривать я не желаю!

Я вздохнула и покорно сказала:

– Ну что ж, не хотите – как хотите! Может быть, поговорим тогда о телевизоре?

Адам Станиславович стоял вполоборота ко мне и после моих слов даже не повернул головы. Выдержка у него была что надо. Только шея напряглась – словно одеревенела.

– Поговорим о чем? – тусклым голосом произнес он. – Я, кажется, ослышался? Вы сказали...

– О телевизоре! – подхватила я. – О прекрасном телеви-

зоре фирмы «Сони», который вы купили с рук за полцены.

Адам Станиславович медленно обернулся. На губах его заиграла ледяная улыбка.

– Простите, вы такая странная женщина... – проговорил он сквозь зубы. – Таких не часто встретишь. Я, знаете ли, человек солидный, одинокий, к шуткам и розыгрышам не расположен. Поэтому, может быть, найдете другой объект для своих упражнений? Я не в силах оценить ваш тонкий юмор...

– Адам Станиславович, – проникновенно сказала я. – Никто и не собирался шутить. Может быть, вы боитесь последствий? Ведь, скорее всего, телевизор был краденый. Но мы постараемся уладить дело так, чтобы вы не пострадали, поверьте мне!

Адам Станиславович смирил меня взглядом и отчеканил:
– А я вас уверяю, никакого телевизора я с рук не покупал! Это ваши фантазии! Или какая-то странная попытка шантажа – я не знаю... С чего это вам взбрело в голову?

Несмотря на его тон, я ощутила заметное беспокойство, начинавшее исходить от моего собеседника. Ему очень хотелось от меня избавиться, но еще больше хотелось сделать это без шума.

– Эдита Станиславовна мне сама рассказала, – просто-душно заметила я. – Не могла же она соврать? И потом, я своими глазами видела коробку от телевизора у вас в подсобке...

Адам Станиславович резко оборвал меня, выбросив вперед ладонь.

– Минуточку! – почти вежливо сказал он, вышел из-за прилавка и запер входную дверь.

Проделав эту операцию, он вернулся ко мне и изобразил приглашающий жест.

– Прошу! – провозгласил он. – Чтобы снять последние недоразумения! Пройдемте в подсобку, и вы покажете мне эту самую коробку!

Я послушно пошла за ювелиром, уже догадываясь, что никакой коробки не увижу. Так оно и вышло. Вот только ее отсутствие в моих глазах выглядело еще подозрительнее.

– Понимаю, – сказала я. – Вы срочно решили вопрос с отходами. Но ведь не выбросили же вы на помойку и сам телевизор, Адам Станиславович? Как-никак, он почти двенадцать тысяч стоит!

У меня с языка едва не сорвалось: «А вы ведь – скряга», но в последний момент я успела удержаться.

– Послушайте, драгоценная! – скучным голосом заговорил ювелир. – Не понимаю, о каком телевизоре вы все время толкуете? У меня в спальне стоит телевизор... Кажется... да... Но он у меня давно – два года – и я уже не припомню, сколько он стоит... Что касается коробки, которую вы якобы видели... Тут было полно всякого хлама, это правда... Даже не знаю, откуда его столько набралось! И потом, Эдита Станиславовна – ужасная фантазерка! Она была такой с детства.

Пожалуй, неудивительно, что вы с ней сошлись...

Адам Станиславович замолчал и искоса поглядел на меня испытующим взглядом. Ему очень хотелось меня убедить.

– Значит, коробки не было? – спросила я. – И телевизор вы две недели назад не покупали? И сестра ваша строит воздушные замки?

– Совершенно верно! – убежденно сказал Адам Станиславович.

Мы несколько секунд помолчали, а потом я, вздохнув, сказала с укоризной:

– Ах, Адам Станиславович! Напрасно вы избрали такую тактику! Меня трудно убедить в том, что молоко – черное, а уголь, напротив, – белый. Я как акын – что вижу, о том и пою. Конечно, несмотря на хрупкость конструкции, которую вы выстроили, она могла бы сработать, но для этого нужно два условия.

– Вы о чем? – настороженно спросил ювелир.

Я загнула один палец на левой руке и сказала:

– Ну, во-первых, вряд ли у вас хватило духу избавиться от телевизора, верно? Он наверняка так и стоит у вас в спальне... С заводским номером, с датой изготовления... идентифицировать его ничего не стоит.

По глазам Адама Станиславовича я поняла, что попала в точку. Кроме того, на губах у него появилась кислая гримаса, словно ювелир обдумывал какую-нибудь неприятную мысль. Мне показалось, что я догадалась, какая это мысль.

– И избавляться от него уже поздно, – заявила я. – Теперь мы будем за вами следить...

– Что за дурацкая фантазия! – не вытерпел Адам Станиславович. – С какой стати я буду избавляться от собственного телевизора?! Все это высосано из пальца... Но вы говорили, что у вас два условия? – нетерпеливо добавил он.

– Это не мои условия, – возразила я. – Это условия, при которых ваша ложь имела бы смысл. Одно я уже обозначила, если можно так выразиться. А теперь второе – и главное! – Я сделала эффектную паузу. – В коробке от телевизора я нашла кассовый чек из магазина «Голубой бриллиант». Он двухнедельной давности, а дата и время покупки подтверждают, что купили его не вы! Собственно, я знаю человека, который в тот день приобрел «Сони». Его обокрали в тот же вечер. Не сомневаюсь, что продавцы сумеют опознать и покупателя, и телевизор. У покупателя была уж очень колоритная внешность...

– Зачем вы мне все это рассказываете? – перебил меня ювелир. – Вы намерены обвинить меня в краже?

– Отнюдь нет, – сказала я. – Мне просто нужно знать, у кого вы две недели назад купили телевизор. То, что он у вас давно, – неправда. Ваша сестра сказала, что у вас раньше не было телевизора вообще!

– Идите вы к черту! – вдруг выпалил Адам Станиславович. – Ничего вы не докажете! Какой, к черту, чек? Какой покупатель? Я ничего не знаю! Мало ли что вы выдумаете!

Давайте прекратим этот бессмысленный разговор!

Но меня уже было невозможно остановить.

– Я не думала произвести на вас впечатление таким пустяком, как чек, – сказала я. – Действительно, мало ли, каким образом попал он ко мне в руки? Но, хотя сам чек ничего не доказывает, он может послужить основанием для того, чтобы вашей покупкой заинтересовался следователь, который ведет дело о похищенном телевизоре. Я просто отнесу чек ему и расскажу, где и при каких обстоятельствах его нашли. Думаю, ему будет любопытно потолковать с вами на эту тему. И скорее всего, он попросит у вас разрешения взглянуть на ваш телевизор. Думаю...

– Стоп! Я все понял, – оборвал меня ювелир. – Вы прилипчивы, как осенняя муха. И откуда только вы взяли на мою голову?! Ну, хорошо, ваша взяла. Я купил телевизор с рук, и что же дальше?

– Мне хотелось бы знать подробности, – скромно сказала я.

Адам Станиславович некоторое время раздумывал, опустив голову. Розовая лысина, обрамленная сединой, делала его похожим на монаха-католика – или, скорее, на какого-нибудь монашеского начальника – на аббата, например. Он и выразился далее как-то загадочно, по-церковному.

– Да будет каждый судим по делам его, – пробормотал он непонятно и обреченно махнул рукой. – Давайте продолжим разговор в моем кабинете! Здесь неудобно – я чувствую себя

участником какого-то фарса!

Он решительно двинулся к выходу, не дожидаясь меня. Мне пришлось поторопиться. Несмотря на свою полноту, Адам Станиславович оказался очень подвижен. Широким шагом он прошел по коридорчику и открыл какую-то дверь. Мы оказались на кухне.

Кухня как кухня – ничего особенного. Пожалуй, даже слегка запущенная – что, впрочем, неудивительно для старого холостяка, да еще постоянно занятого. В глаза мне бросились решетки на окнах – прочные, надежные, из неокрашенной витой стали.

– Бойтесь грабителей? – спросила я.

Адам Станиславович покосился в мою сторону.

– Мне есть за что бояться, – коротко сказал он. – Вы бы на моем месте тоже боялись.

– Разумеется, – согласилась я. – Я сказала это без всякой задней мысли!..

Но Адам Станиславович счел долгом объясниться.

– Я живу, как видите, один, – сварливым тоном сказал он. – У меня здесь и магазин, и квартира... Два в одном флаконе, как сейчас принято говорить... В доме много ценного. Пренебрегать мерами безопасности было бы непростительным легкомыслием. У меня есть оружие, у меня решетки, у меня все на сигнализации! Это влетает мне в копеечку, но иного выхода нет! В наше время полно охотников до чужого добра!

– Вы совершенно правы, – горячо поддержала я ювелира. – Позавчера я своими глазами могла наблюдать...

– Вы опять об этом! – криво усмехнулся Адам Станиславович. – Дался вам этот идиот! Форменный придурок! Глаза квадратные, изо рта разит, пистолет в руке ходуном ходит...

– Значит, пистолет был? – спросила я.

– Обыкновенный пугач! – презрительно бросил ювелир. – Впрочем, выглядел как настоящий... Я не стал испытывать судьбу – нажал на кнопку вызова... Но что же мы встали? Прошу за мной!

Мы прошли еще через одну дверь и оказались в уютной прихожей. Входная дверь была хорошо укреплена и снабжена замками и сигнализацией.

– Это, собственно, вход в квартиру, – пояснил Адам Станиславович. – Днем здесь сигнализация отключается, но кнопка в магазине всегда в работе. Держать сигнализацию включенной днем хлопотно – если кто-то приходит, нужно звонить каждый раз на пульт.

Из прихожей мы попали в довольно просторную комнату, в которой я сразу угадала мастерскую. Здесь стояли три стола, оборудованные специальными лампами, тисочками, станочками и еще массой предметов неизвестного мне назначения. Повсюду были разложены инструменты, расставлены флакончики с непонятными надписями, мотки проволоки, металлические брусочки, пластмассовые разноцветные заготовки... Пахло в мастерской каким-то острым и сладкова-

тым химическим запахом.

– Здесь я работаю, – буркнул Адам Станиславович. – Творю!.. Впрочем, вряд ли вам это интересно...

– Напротив, очень интересно, – возразила я. – До сих пор мне приходилось только носить украшения, но я понятия не имею, как их делают. Тем более удивительно, что вы их создаете из таких вещей, которые в принципе не являются предметами для украшения.

– Вы удивляетесь потому, что находитесь в плену традиции, – снисходительно пояснил Адам Станиславович. – Зачастую приходится сталкиваться с таким фактом, что женщина стремится украсить себя непременно драгоценными металлами, драгоценными камнями, не обращая внимания на форму, в которую они облечены. Но это в корне неверный подход! Украшение должно являться произведением искусства – только тогда оно будет подлинной ценностью. Обвешаться как попало сляпанными побрякушками? Для чего? Чтобы показать, что у вас водятся денежки, но напрочь отсутствует вкус? Благодарю вам, как говорят в Одессе!

Посмотрите сюда! Видите это ожерелье? Какая игра цвета, какие изящные линии! Оно не закончено, но я без ложной скромности могу сказать, что оно будет произведением искусства. А ведь это не драгоценный камень, нет! Акриловые пластмассы с незначительным вкраплением серебра... А взгляните на это чудо! Это трубчатая сталь. Вам нравится? Это совершенно не похоже на традиционные ювелирные

изделия, однако эта конструкция рассчитана столь точно и столь вдохновенно, что вы просто ахнете, если увидите ее на себе. Эта вещь будет следовать каждому изгибу вашего тела, она станет как бы вашим продолжением, одновременно подчеркнув самые выгодные пропорции фигуры. Вы как бы переродитесь, надев эту вещь...

– Да, наверное, – вздохнула я. – Но ведь она, кажется, тоже не закончена?

– Совершенно верно, – слегка бранчливо подтвердил Адам Станиславович. – Катастрофически не хватает времени! А тут еще этот телевизор, этот идиот-грабитель!..

– Зачем же он к вам все-таки полез? – поинтересовалась я. – Не собирался же он разжиться здесь сталью и акриловыми пластмассами?

– Но я же говорю, это был невероятно тупой тип! – в сердцах ответил Адам Станиславович. – Какой-то маргинал! По-моему, он сам не понимал, чего хочет. Увидел блестящие камешки и ворвался. Ведь не мог толком сформулировать своих побуждений!

– Что же, он просто молчал? – удивилась я.

– Вот уж нет! – усмехнулся Адам Станиславович. – Он выложил все слова, которые ему известны. Из них большая часть была матерных. Первое, что он потребовал, достав свою пушку, чтобы я лег на пол. Я выполнил его требование, разумеется, подав сигнал тревоги. К счастью, милиция приехала очень быстро. Этот тип был настолько глуп, что пытал-

ся стрелять. Но у него ничего не вышло. По-моему, он был этим крайне удивлен. Да-да, он выглядел ошарашенным, как ребенок, которому вместо конфеты подсунули кусочек дерьма!

– Вот как? И почему, как вы думаете?

– Да я не хочу ничего думать? Еще мне не хватало думать по этому поводу! У меня полно других забот!

Я понимающе кивнула.

– Эдита Станиславовна говорила, что у вас много клиентов из состоятельных слоев общества...

Ювелир бросил на меня мрачный взгляд из-под седых бровей.

– Эдита Станиславовна так говорила? – недовольно произнес он. – К сожалению, бог создал женщину из ребра мужчины. Материала, видимо, было маловато, и язык у нее оказался без костей!.. Состоятельные слои общества! Смех! Я вам уже говорил, к чему стремятся те, у кого мощна набита до отказа. Обвешаться золотом и прочей мишурой, чтобы быть похожей на рождественскую елку!

– Ну, не все же такие... – заметила я, потому что не знала, что сказать.

– Большинство! – категорически заявил Адам Станиславович.

Но, похоже, он не желал дальше развивать эту тему. Ему больше хотелось поговорить о своих экспериментах, и он с большим сожалением отошел от рабочего стола, распахнув

передо мной очередную дверь.

Наконец-то мы попали в хозяйский кабинет. Здесь было довольно уютно, но мрачновато – тяжелые кресла из черной кожи, рабочий стол из темного дерева, такой же шкаф для книг и стены, отделанные панелями из мореного дуба. Обстановка затворника. Впечатление усиливалось все теми же решетками, закрывавшими прямоугольник окна. Правда, эти решетки несколько отличались от тех, что я видела в соседних комнатах – они были сделаны более искусно, я бы сказала, изящно, и не слишком бросались в глаза.

Еще я заметила в углу кабинета сравнительно небольшой сейф – не вульгарный железный ящик, а настоящий – бронированный, из вороненой стали с блестящей металлической окантовкой. По-видимому, он был привинчен к полу.

На столе, кроме старомодной настольной лампы, ничего не было – даже телефона. Видимо, хозяин в этой келье полностью отключался от внешнего мира. Хотя, возможно, он просто пользовался мобильником.

Книжный шкаф был заполнен солидными толстыми фолиантами, насколько я успела заметить, в основном относящимися к ювелирному делу. Многие книги были на иностранных языках. Библиотека профессионала. Адам Станиславович не преувеличивал – кроме специальной литературы, его, кажется, ничего не интересовало. В кабинете не было ни газет, ни книжек в цветастых обложках.

– Уютная у вас квартира, – похвалила я, чтобы польстить

хозяину. На самом деле я так не думала, но чего не скажешь, чтобы наладить взаимопонимание!

Адам Станиславович болезненно поморщился, молча показал рукой на кресло, которое мне предназначалось, а потом неохотно сказал:

– Меня она не очень устраивает. Приходится идти на компромисс. Ради бизнеса. Магазин в центре – это вам не гусь чихнул. Совсем другие возможности. А квартира... – Он пренебрежительно махнул рукой. – Дом старый, коммуникации никудышные... Без конца засоряется канализация, с отоплением проблемы... Хорошо, в этом же доме наверху живет один жилец. Мне удалось найти с ним общий язык. Когда подопрет – обращаюсь в нему. У мужика золотые руки.

– Как у вас? – улыбнулась я.

Адам Станиславович строго посмотрел на меня.

– Если бы так, то ему не приходилось бы сейчас чинить мою канализацию, – назидательно сказал он. – Но в своей области он мастер. Странно, что при своей квалификации никак не может найти работу. Впрочем, я полагаю, на жизнь он всегда может себе заработать и без трудовой книжки... Но мы отвлеклись. Давайте покончим с нашим неприятным делом! Итак, какие такие подробности вас интересуют? Только сразу хочу предупредить – никакой особенной вины я за собой не чувствую! Подумаешь, купил краденую вещь! Если мне предлагают что-то за меньшую цену – я беру и не спра-

шиваю, откуда эта вещь взялась. В наше время это непозволительная роскошь. Но вы верно угадали мое слабое место – ни при каких обстоятельствах я не соглашусь вступать в контакт со следователем. Сидеть в этих душных кабинетах, оправдываться, давать показания... Лучше я выберу вас, хотя, признаться, вы для меня – загадка. Кто знает, что у вас на уме?

– У меня на уме только одно, – сказала я. – Справедливость должна торжествовать, а преступники должны быть наказаны.

– Это довольно распространенная формула, – заметил Адам Станиславович. – Только каждый вкладывает в нее свой смысл... Но, впрочем, я уже сделал свой выбор...

– Тогда скажите, при каких обстоятельствах вы приобрели этот злосчастный телевизор? – спросила я.

– При каких обстоятельствах? – повторил ювелир. – Да при самых заурядных. Было это... Не вспомню сейчас, какое было число – надо будет свериться по календарю... Недели две назад – вы правильно сказали. Я уже закрыл магазин, убрал выручку... По-моему, я уже отужинал. В дверь позвонили. Я открыл, потому что это был тот самый сосед – сантехник.

– Пришлось отключить сигнализацию? – поинтересовалась я.

– Вы шутите! – сердито сказал Адам Станиславович. – Сигнализацию включают на ночь. Было еще совсем не позд-

но. И потом, я же убедился, что это свой. Неужели вы полагаете, будто я шарахаюсь от любой тени? Меня не так-то просто напугать, уважаемая!

– Нет, просто у меня сложилось впечатление, что вы ставите сигнализацию сразу после закрытия магазина...

– Зачем? Это же лишние деньги! – возразил Адам Станиславович. – Вот по ночам, действительно, немного страшно-вато... Но слушайте дальше! Сосед извинился и сказал, что тут во дворе один мужик продает телевизор, мол, не заинтересует ли это меня, поскольку телевизора у меня нет. Телевизор хороший, а мужик просит за него всего семь тысяч...

– А ваш сосед знал этого мужика?

– Я его об этом тоже спросил. Сказал, что не знает. Просто тот заехал в наш двор и предлагал телевизор всем подряд.

– Но остановились почему-то на вас...

– Остальным показалось все-таки дорого. Продавец просил семь тысяч.

– Но вы сразу поняли, что это полщены за такую вещь?

– Более того! Мне удалось выторговать полторы тысячи! – не без самодовольства сообщил Адам Станиславович.

– Лихо! – сказала я. – Где же происходил торг – во дворе или у вас дома?

– Вначале мы разговаривали во дворе, – объяснил Адам Станиславович. – Мне хотелось прежде взглянуть на этого человека. Я не слишком-то доверчив.

– Я это уже заметила. Но здесь вас ничего не насторожи-

ло?

– Во всяком случае, не слишком, – сказал ювелир. – Во дворе были соседи, да и сам продавец выглядел довольно мирно. Так, какой-то шибздик с извиняющейся улыбкой. Такие вечно находятся под каблуком у жены и тайком попиивают горькую. Я, кстати, не сомневался, что он продает собственный телевизор, из дома. Типично запойный вариант – помятая физиономия, весь потрепанный, машина – старенькие «Жигули».

– Простите, но откуда у пропойцы дома «Сони»?! – воскликнула я. – Как это не пришло вам в голову?

– А может, и пришло, – нехотя сказал Адам Станиславович. – Но, с другой стороны, бывают всякие ситуации... Я знал, например, одну семью – жена преуспевающий адвокат, зарабатывает бешеные деньги, может себе позволить каждый выходной проводить на греческих пляжах... А муж, представьте, забулдыга, пробы негде ставить! И между тем жили! Вели, как говорится, совместное хозяйство!

– А потом?

– А что потом? Случилось то, что должно было случиться.

Жена укатила на неделю в Анталию, а муж утонул в Волге. Она, уезжая, заперла квартиру, и он вынужден был ночевать по знакомым. Никто не знает, какой черт понес его в тот день на Волгу – была весна, вот как сейчас...

– Печальная история! – покачала я головой. – Но вы меня убедили. Итак, вы познакомились с продавцом, и он вызвал

у вас доверие... Кстати, как его звали?

– Во-первых, о доверии речи не шло! – поправил меня ювелир. – Я просто убедился в безопасности этой сделки. А что касается имени, то мы не представлялись друг другу. Но, помнится, Тимур называл его Толяном...

– Простите, Тимур?

– Ну, так зовут моего соседа. Он, кажется, татарин...

– Но вы говорили, что он не был знаком с продавцом телевизора!

– Да, он так мне сказал. Но вы же знаете, как быстро сходятся эти люди! Достаточно им переброситься парой слов, и они готовы вместе пить водку, обниматься и вообще становятся неразлейвода... Может быть, в этом их сила? Я достаточно трудно схожусь с людьми и не могу судить. Одним словом, Тимур называл его Толяном. Я предпочитал никак его не называть, обращался просто на «вы». Потом он предложил мне опробовать телевизор...

– И вы опробовали?

– Да, на кухне. Мне понравилось, как этот аппарат работает. Я попросил сделать скидку, а когда этот Толян пошел мне навстречу, я уже не стал колебаться – сходил за деньгами и расплатился. По-моему, Толян был очень доволен.

– Ушли они вдвоем? – спросила я.

– Вы намекаете, не ушли ли они вместе? – прищурился Адам Станиславович. – Вряд ли. Была еще зима, морозец. Тимур был в легкой куртке внакидку – под ней одна рубашка.

По-моему, он поднялся к себе наверх. А продавец уехал, и больше я его здесь не видел.

– В общем, концы в воду? – заключила я. – И номер машины вы, конечно, не запомнили?

Адам Станиславович почесал лоб над правой бровью, несколько секунд помолчал, а потом неожиданно сказал:

– Вот номер-то я как раз запомнил... Я же говорил вам, что не очень доверчив. Номер я запомнил первым делом, когда вышел во двор. Признаться, я сделал это демонстративно, давая понять, что не собираюсь хлопать ушами.

– И как отреагировал на это Толян? – спросила я.

– Кажется, никак. Ему хотелось побыстрее получить денежки. А вам, разумеется, хочется получить номер машины?

– Была бы очень признательна, – ответила я.

Адам Станиславович усмехнулся, полез в карман и достал оттуда маленькую записную книжку, в кармашек которой был вложен крошечный карандашик. Этим карандашиком Адам Станиславович чиркнул в книжке несколько цифр, вырвал листок и протянул его мне.

– Ну вот, теперь я исповедовался вам полностью, – заключил он. – Отпустите мне грехи?

– Пока я могу сказать вам только спасибо, – ответила я. – Грехи будут вам отпущены, когда вы вернете телевизор законному владельцу.

– Вот это новости! – возмутился ювелир. – А кто вернет мне мои деньги?

– По логике вещей деньги должен вернуть вам Толян, – сказала я. – Как нажитые нечестным путем. Хотя обычно такие люди не любят этого делать. Но мы постараемся его убедить. Когда найдем, конечно.

– Ищи ветра в поле! – сердито произнес Адам Станиславович. – Меня такая перспектива на устраивает! И вообще, откуда мне знать – может, вы таким образом хотите устроить телевизор своему родственнику? Блох, заметьте, это вам не лох! Меня на такое не купишь!

– Простите, не поняла юмора, – сказала я. – Первый раз слышу такое выражение. Вы сказали что-то про Блох...

Адам Станиславович сверкнул негодуяще глазами.

– Моя фамилия – Блох! – рявкнул он. – Не притворяйтесь, будто вы этого не знали! Так вот, я вам официально заявляю – не делайте из Блоха лоха! Не получится!

– Извините, но как-то случилось, что я действительно не знала вашей фамилии! – сказала я. – В свою очередь, хочу заявить, что ни в коем случае не собиралась делать из вас лоха. Это во-первых. Во-вторых, эта дикая фантазия, будто я хочу оттяпать у вас телевизор... Что за вздор! Вспомните, с чего начался наш разговор. В милиции лежит заявление насчет этого телевизора, подписанное господином Петяйкиным, агрономом из Заречного, с которым у меня лишь шапочное знакомство. У меня в сейфе лежит чек на этот телевизор, найденный в вашем доме. Наконец, вы сами не отрицаете, что приобрели телевизор у подозрительного типа. И

тут же встаете в позу оскорбленной невинности! Так дело не пойдет. Мы договорились не впутывать в это дело милицию, но, поскольку вы мне не верите, я просто вынуждена буду обратиться к следователю. Господин Петяйкин должен получить обратно свою собственность. И он ее получит!

С этими словами я решительно встала. Адам Станиславович колючим взглядом смотрел на меня снизу вверх, вцепившись в подлокотники кресла. Едва я сделала шаг к двери, он предостерегающе взмахнул рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.